

УДК 94 (57)

Установление советской власти и создание новой финансово-кредитной системы в Иркутске в 1920 г.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена изменениям, произошедшим в кредитной системе Иркутска после падения колчаковского режима. Особенностью момента была последовательная смена руководства финансовой жизнью губернии в течение месяца от колчаковского минфина к уполномоченному по ведомству финансов Политцентра и, наконец, комиссару финансов, а затем заведующему финотделом губревкома. Приводятся сведения о первых попытках деятельности в этой сфере Политцентра. Большая часть статьи посвящена коренной ломке структуры и основ прежней системы после установления советской власти в Иркутской губернии. Особое внимание уделено ликвидации старых финансовых учреждений и национализации частных банков в первой половине 1920 г.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутск, советская власть, кредитная политика, финансы, банки, национализация, расчетно-кассовый отдел.

В период падения колчаковского режима Иркутск превратился в один из главных в Сибири оппозиционных центров. Здесь собрались противники власти различных политических партий, прежде всего мелкобуржуазных. Многие из эсеров служили в губернских учреждениях и в частях Иркутского гарнизона. Особенно сильными их позиции были в городском управлении. Вместе с армией Колчака на восток эвакуировались различные государственные учреждения, казначейства, банки со всеми сотрудниками, имуществом и служащими с членами их семей. Все они так или иначе оказались в конце 1919 – начале 1920 г. в Иркутске. 14 ноября 1919 г. в город в полном составе прибыло омское правительство, заняв для размещения здание Русско-азиатского банка. В этой ситуации эсеры активизировали свою деятельность по подготовке восстания против Колчака. 8 декабря 1919 г. в Иркутске был сформирован Политический центр как орган руководства будущим восстанием. В ночь с 20 на 21 декабря 1919 г. его сторонники подняли восстания в Черемхово, Нижнеудинске и Балаганске. Это создало благоприятную обстановку для выступления в Иркутске. В ночь на 5 января 1920 г. казенные учреждения были заняты повстанцами.

На следующий день после восстания была опубликована декларация Политцентра о взятии власти на территории от Красноярска до Иркутска. Был арестован эшелон с Колчаком и золотым запасом. Одной из главных задач Политцентра было подписание договора с советским правительством

и Сибревкомом об образовании государства-буфера в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке со столицей в Иркутске. Но в эти планы вмешались руководители иркутского ВРК, вынудившие эсеров передать им власть. Буферное государство с коалиционным правительством и сохранением частной собственности в виде Дальневосточной республики в итоге образовалось восточнее, охватив территорию от Байкала до Дальнего Востока и просуществовав до конца 1922 г.

Таким образом, переход власти от Колчака к большевикам в Иркутске имел свои особенности. В течение месяца власть в городе дважды менялась, что не могло не оказать влияния на все сферы политической и хозяйственной жизни. Так, в этот период руководство финансовой жизнью губернии последовательно переходило из рук колчаковского минфина в руки уполномоченного по ведомству финансов Политцентра и, наконец, комиссару финансов, а затем заведующему финотделом губревкома. Техническим аппаратом, которым пользовались все эти сменяющие друг друга власти был Департамент Государственного казначейства омского правительства, который был ликвидирован 1 марта 1920 г., и его подразделения в Иркутске.

За короткий период деятельности Политцентр успел внести некоторые коррективы в деятельность местного отделения банка. Уже 9 января 1920 г. в Иркутское отделение поступило распоряжение производить оплату переводов, ассигновок и чеков только по согласованию с уполномоченным Политцентра. Предлагалось немедленно представить в общую канцелярию ведомства финансов реестр сумм и ценностей, принадлежащих казенным распорядителям и правительственным учреждениям. И, наконец, оплату переводов, чеков, вкладов и ценностей частных лиц и фирм производить беспрепятственно, сообразуясь с денежными ресурсами отделения [8, л. 2]. В связи со значительным сокращением подвластной ему территории и объема работ Политцентр провел реорганизацию колчаковского минфина, уменьшив количество служащих и образовав Центральное финансовое управление в составе: секретариата из двух отделений – распорядительного и финансового; управления налогов и сборов; временного управления государственным и земельными банками; отдела государственного казначейства; главного управления сберегательными кассами. Рядом приказов уполномоченного Политцентра А. И. Погребецкого намеченная схема отчасти была введена в жизнь [1, л. 103].

В финансовой сфере Политцентру не удалось сделать чего-нибудь существенного. В основном осуществлялось текущее финансирование по ранее утвержденным статьям с некоторой их корректировкой. Всего с 5 января по 12 февраля 1920 г. было выдано кредитов на 1 196 780 767 руб. [1, л. 22], в том числе управляющему Политцентром на текущие расходы – 1,5 млн руб., ревкому – почти 5,7 млн руб. Наиболее крупные кредиты были предоставлены ведомствам путей сообщения – почти 427 млн руб., продовольствия и снабжения – 410 млн, военному – 229 млн. За счет ассигнований по сметам ведомства продовольствия и частично путей сообщения были произведены закупки продовольствия и имущества у чехословацких войск. Остальные расходы были значительно меньше. На развитие торговли и про-

мышленности было отпущено 18,8 млн руб., на образование – 10,9 млн, здравоохранение – всего 5 млн. руб.

Кроме того, Политцентром было приостановлено кредитование Морского ведомства, а также разрешено производить бескредитные расходы. Циркулярным письмом от 24 января на отделения банков возлагалось предоставление годовых смет на расходы по Иркутской губернии и Якутской области. Последнее распоряжение просто невозможно было выполнить. Территория губернии была ареной боевых действий, курс денежных знаков быстро падал, цены росли, органы старой власти были в процессе ликвидации, а новые еще только формировались. Поэтому комиссар финансов признал утопическими требования о годовых сметах и, стараясь не допускать бескредитных расходов, предложил перейти к урегулированию их путем разрешения кредитов по месячным сметам, которые должны были подвергаться тщательному рассмотрению сметной комиссией из представителей комиссариата финансов, госконтроля и заинтересованных ведомств.

Взяв власть, Иркутский ревком обязался созвать 25 января Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, беспрепятственно пропустить на восток чехословацкие войска при условии передачи золотого запаса и, наконец, обеспечить личную неприкосновенность представителям демократии, боровшимся против Колчака. В ночь с 1 на 2 марта 1920 г. Иркутск покинул последний эшелон чехословацких войск. Еще через несколько дней, 7 марта, в город торжественно вступили части 30-й дивизии 5-й Красной армии. Располагая всей полнотой власти, Иркутский губревком с первых дней взял курс на ликвидацию старых структур управления и организацию новых органов власти. В своей деятельности он непосредственно подчинялся Сибирскому революционному комитету, возникшему как революционный организующий центр в то время, когда Красная армия перешла Урал и заняла Челябинск. С 23 ноября 1919 г. он переместился в Омск и приступил к руководству на освобожденных от власти Колчака территориях. В июне 1921 г. весь аппарат Сибревкома был переведен в Новониколаевск (Новосибирск), ставший к тому времени главным административным центром советской Сибири.

Перед назначенным в первый же день перехода власти к большевикам 21 января 1920 г. приказом № 1 комиссаром финансов В. Литвиновым были поставлены задачи ликвидации старых финансовых учреждений с сохранением при этом исправного обеспечения вновь создаваемых советских учреждений в отпуске кредитов и снабжения дензнаками, т. е. совершенно новые организационные задачи. 17 февраля 1920 г. состоялось постановление губревкома об образовании финансового отдела. Первое время техническим аппаратом продолжал служить департамент казначейства, а с 1 марта ликвидационная комиссия последнего. И только с 24 марта после ликвидации местных финансовых учреждений был образован губфинотдел. Возглавил его большевик, участник Первой мировой войны В. И. Бесенек. О нем известно очень мало. Родился в 1884 г. в Курляндской губернии, по национальности латыш. В 1930-х гг. проживал в Москве, будучи персональным пенсионером. Жил в Москве. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

Постановлением губревкома от 3 марта 1920 г. были ликвидированы все центральные учреждения минфина бывшего правительства, кроме экспедиции заготовления государственных бумаг. Для составления отчетов и обзора деятельности отдельных департаментов были оставлены временные ликвидационные штаты с небольшим количеством работников сроком на один месяц. В Омск и по местам прежней службы была реэвакуирована значительная часть служащих как государственных структур, так и частных банков. Первый эшелон в составе около 300 служащих с делами и ценностями бывшего Минфина в количестве 128 мест был отправлен в Омск 23 апреля. Второй эшелон с 50 бывшими работниками частных банков отправлен в мае [1, л. 103]. В конце марта началась ликвидация местных финансовых органов: казенной палаты, акцизного управления, казначейства и отделения Госбанка. Большая часть их служащих получила назначение в губернские и уездные финотделы. Делопроизводство и отчетность ликвидируемых учреждений были переданы соответствующим подотделам. Вся эта работа производилась параллельно с текущей, и только 10 июня 1920 г. была образована особая комиссия для ликвидации счетов старого баланса и приведения в порядок отчетности бывших финансовых учреждений и перехода к новому порядку счетоводства.

В первые дни новой власти финансовая политика велась без какого-то четкого плана, отсутствия рекомендаций и правового обеспечения из Центра, что приводило к поспешным и непродуманным решениям. Чтобы не парализовать всю финансовую деятельность в условиях неразберихи и дефицита денежной массы, комиссару финансов В. Литвинову пришлось пойти на некоторое ослабление вмешательства в банковскую сферу. Его постановлением от 1 февраля 1920 г. отменялось предварительное распоряжение о закрытии частных банков и ограничении денежных выдач с текущих счетов. Предлагалось возобновить деятельность частных банков, производя при этом учет имеющейся в них кассовой наличности и всех ценностей, принадлежащих как самим банкам, так и клиентам. Все находящиеся в частных, общественных и кооперативных банках ценности и денежные средства (деньги, процентные бумаги, золотые и серебряные изделия, иностранная валюта) должны быть представлены в описях в Госбанк впредь до особых распоряжений. Всем банкам и казначействам разрешалось производить выдачи денежных сумм еженедельно в размере 5 тыс. руб. по каждому счету. Суммы свыше 20 тыс. зачислялись на текущий счет клиента. Выдачи свыше 20 тыс. в месяц частным лицам и предприятиям на заготовку сырья и материалов и другие производственные расходы, а также на зарплату рабочим и служащим можно было производить только по согласованию этих расходов соответствующим комиссариатом. Выдача с текущих счетов правительственных учреждений производилась без ограничений по разрешительным документам, подписанным комиссаром соответствующих ведомств и учреждений. Ограничения по выдаче средств касались только частных лиц, но не кооперативных учреждений, органов местного самоуправления и профсоюзов. Исполнение и контроль за соблюдением этого постановления были возложены на отделение Госбанка. [1, л. 4-4 об.]

Для советской власти было очевидным, что необходимость в кредитной системе отпадает. В условиях ликвидации частной собственности и рынка кредит замещался плановым снабжением. После ликвидации Государственного банка и других финансовых структур все они были сведены в единый расчетно-кассовый аппарат республики. В Иркутске заведующим вновь образованного из прежних финансовых учреждений расчетно-кассового подотдела финуправления губревкома был назначен И. С. Соснин, ранее возглавлявший комитет служащих Иркутского отделения Госбанка. При этом и сам подотдел разместился в восстановленном после пожара в 1917 г. здании Госбанка, включив в себя основной состав служащих и работников, все делопроизводство и документацию. Даже служебная переписка подотдела некоторое время осуществлялась на бланках бывшего отделения, на которые сверху ставился новый штамп.

Расчетно-кассовый подотдел отвечал за сохранность и проверку наличности и разных ценностей, сосредоточенных в подведомственных ему кассовых учреждениях, создавал и контролировал деятельность местных финансовых подразделений, а также наблюдал за исполнением финансового законодательства в пределах Иркутской губернии и Якутской области. В его ведение входило устройство сберегательных касс, охрана кассовых учреждений, порядок денежного хранения, приема и выдачи ценностей, установление норм наличности, распределение, снабжение и передвижение денежных сумм между отдельными кассовыми учреждениями, обмен дензнаков и их ликвидация, продажа гербовых знаков, торговых и промышленных регистрационных карточек, прием золота, драгоценных металлов и иностранной валюты. Он же занимался вопросами кредитования госучреждений, предприятий и кооперации, формирования депозитов и спецсредств, ведения частных и общей кассовой книг по приходу и расходу денежных сумм, лицевых счетов и т. п.

Фактически функции распределения кредитов взяла на себя местная власть. Губфинотдел своими постановлениями определял, кому выдавать средства. Национализация частных банков имела свои сложности и затянулась на несколько месяцев. Все частные банки и их отделения рассматривались как самостоятельно обанкротившиеся учреждения и по проверке их балансов подлежали ликвидации. [7, л. 1] Все обязательства по отношению к эксплуататорским элементам аннулировались, а конфискованные средства направлялись на покрытие обязательств данного банка по отношению к трудовому населению. Изъятые из сейфов денежные знаки и ценности рассматривались как вклады, подлежащие изъятию. Ликвидации подлежали также все вклады, состоящие из аннулированных советской властью старых процентных бумаг и колчаковских знаков. Вклады трудового населения, не превышающие 10 тыс. руб., передавались в расчетные кассы губернских или уездных финотделов, которые и производили выдачу на общих основаниях в размере прожиточного минимума. Но все выдачи могли производиться только за счет реального имущества банков. Товарные отделы местных банков передавались для окончательной ликвидации в местные финотделы.

Штаты служащих предлагалось распустить, рассчитав их за счет реального имущества отделений частных банков, оставив при этом необходимый минимум для их ликвидации. Опытные специалисты и дела бывших частных банков, эвакуированных в Иркутск, подлежали отправке в места их учреждения.

Приказом губфинотдела от 27 марта создана ликвидационно-техническая коллегия, председателем которой был назначен В. Ф. Габель. В нее входили представители от госконтроля, расчетно-кассового подотдела – Д. М. Чумаков и М. В. Ушаков, а также с совещательным голосом делегаты от самих банков: А. И. Погребецкий (Московский народный банк), В. И. Ермаков (Волжко-Камский банк), Г. И. Коberman (Русско-азиатский банк), П. И. Исаев (Сибирский торговый банк), К. Ф. Лыткин (банк Е. Медведниковой) и И. И. Бланков (от Общества взаимного кредита) [2, л. 31]. Сформированная коллегия должна была немедленно приступить к ликвидации частных банков, в том числе уволить весь их штат с оставлением необходимого числа для работ по ликвидации. В коллегию поступили все дела и переписка, касающаяся предшествующих работ в этой области. В ее задачи входило определение реального баланса банков, за счет активов которого должны быть удовлетворены вкладчики из числа трудового населения, вложившие свои сбережения до 1 июня 1918 г. (т. е. до падения советской власти).

Ситуация осложнялась тем, что, кроме собственно иркутских частных банков, в городе скопились различные финансовые учреждения колчаковского правительства, а также ценности и бумаги различных частных банков с Волги, Урала и Западной Сибири. Среди них были такие банки, как Самарское, Челябинское, Сарапульское отделения соединенного банка, Самарское, Уфимское, Сызранское, Курганское, Пермское, Омское, Оренбургское отделения Волжко-Камского коммерческого банка, Бугульминское агентство того же банка, Самарский купеческий банк, кунгурские отделения Сибирского торгового и Народного банков, Сызранское и Курганское отделения Общественного банка, Омского, Миасского и ряда других отделений Русского торгово-промышленного банка. При их ликвидации часть ценностей была конфискована, а служащие, документы и некоторые ценности подлежали реэвакуации. Занималась реэвакуацией специальная комиссия во главе с Я. Вишняком [4, л. 11]. Одними из первых были отправлены из Иркутска чиновники и банковские служащие бывшего колчаковского правительства. По возвращении в Омск они поступили на службу в Финансовое управление при Сибревкоме и Омский губернский финансовый отдел.

Положение служащих ликвидируемых частных банков было крайне затруднительным. Многие из них оказались в Иркутске в условиях инфляции и дефицита продуктов питания без средств к существованию. До прекращения этими банками операций и аннулирования сибирских дензнаков служащие получали содержание за счет своих местных отделений. С момента опечатывания касс отделений банков и начала их ликвидации положение эвакуированных служащих оказалось критическим. Не имея возможности впредь до распоряжения оставить службу, они уже с 18 февраля не получали жалованье, кроме предоставленного на общих основаниях пособия в 1

тыс. руб. Большинство из них, люди семейные и совершенно случайно застрявшие в Иркутске, испытывали значительные трудности, «не имея определенного источника для своего существования» [4, л. 10]. В соответствии с распоряжениями из Москвы окончательная ликвидация частных банков должна производиться в местах их деятельности, в связи с чем их служащие должны были быть реэвакуированы. А до этого иркутские власти должны были выделить для их содержания кредит авансом в размере 90 тыс. руб. за счет тех городов, где эти банки находились до эвакуации.

Не лучше была ситуация со служащими тех банков, которые находились в Иркутске. Ликвидационно-техническая коллегия сообщала в губфинотдел в апреле 1920 г., что служащие бывших частных банков, кроме Московского народного банка и отчасти Медведниковского, не получали положенного содержания с момента отмены сибирских денег (18 февраля) по 1 апреля, а также пособия в размере двухнедельного оклада для лиц, не устроившихся на службу. Коллегия просила выдать аванс для крайне нуждающихся в размере 251 тыс. руб. за счет сумм, поступающих от реализации ценностей бывших частных банков, еще 25 тыс. руб. на оплату расходов по содержанию зданий частных банков, приобретение канцелярских принадлежностей и прочие нужды, связанные с их ликвидацией. Наконец, 146,7 тыс. руб. были необходимы для выплаты заработной платы за апрель и май служащим, оставленным при банках для проведения работ по их национализации [2, л. 3]. Таковых оказалось 42 чел. (почти треть от прежнего состава сотрудников): при Иркутском обществе взаимного кредита – 4 служащих, фонд оплаты которых составил 15 540 руб., иркутских отделениях Русско-азиатского банка – 6 во главе с управляющим Г. И. Каберманом и оплатой в 22 850 руб., Волжко-Камском коммерческом банке – 4 чел. (17 780 руб.), Сибирском торговом банке – 6 служащих (23 240 руб.), Московском народном банке – 4 (13 050 руб.). Самая большая группа была оставлена при банке Е. Медведниковой – 18 служащих и работников во главе с членом Совета К. Ф. Лыткиным, среди них были 6 курьеров и 1 дворник. Общая сумма выплаты содержания для них – 54 200 руб. [2, л. 4-4 об.]. Расчет на содержание бывших служащих частных банков производился за счет сумм, полученных от ликвидации реальных ценностей и имущества банков. Так, Иркутскому отделению Московского народного банка было разрешено, согласно указанию из Омска, приступить к реализации своего актива, состоявшего из несгораемых шкафов и другого оборудования для выплаты жалования сотрудникам.

Непосредственную работу по проверке и изъятию ценностей из частных банков проводила комиссия расчетно-кассового подотдела, возглавляемая бухгалтером 1-го разряда Н. И. Фростом. Основная задача комиссии заключалась в принятии по особым актам всех оставшихся ценностей в кладовых частных банков и зачислении их на соответствующие балансы. Дела и делопроизводство их по составлению описей опечатывались и хранились в расчетно-кассовом отделе до реэвакуации этих банков по своим местам. Комиссия производила ревизию банковских сейфов с конфискацией содер-

жащегося в них имущества, если его владельцы не предъявляли своих прав в течение трех дней после соответствующего объявления [4, л. 2 об.]. Так, например, происходило при вскрытии стальных сейфов в бывшем Сибирском торговом банке. Из 442 сейфов были вскрыты 260 в присутствии их арендаторов, а остальные 182 пришлось взламывать. Все ценности пошли в доход государства. После этого так же вскрывались хранилища Медведниковского банка, производившего, между прочим, операции ломбардного характера. Владельцам заложенных вещей предложено было заявить о них и доказать свое трудовое прошлое, так как только при этом условии вещи могли быть выданы. При этом стоимость вещей не должна превышать 10 тыс. руб. До 1 марта таких заявлений при наличии в банке 150 залогов поступило всего 36. Большинство этих заявлений было удовлетворено, остальные реквизированы в доход государства. Ведомость о залогах и их перечень были составлены еще 5 февраля, все опечатано и оставлено на хранение в банке, крупные вещи на двух подводах отправлены в Сибирский банк. В апреле – мае 1920 г. ценности из частных банков постепенно передавались в расчетно-кассовый отдел. Так, 20 мая из банка Е. Медведниковой поступили ценные бумаги на 855 тыс. руб., 13 билетов самого банка на 93 тыс., одна облигация «Займа Свободы» на 50 руб., золотых и серебряных монет на 545 руб., купонов на 550 руб. [3, л. 131]. Возврат же заложенных в банке ценных предметов затянулся надолго. По сведениям Н. С. Романова, только с 5 февраля 1921 г. в губфинотделе начали принимать заявления на возврат трудовому элементу заложенных в Медведниковском банке вещей [9, с. 432].

Актом от 2 апреля 1920 г. комиссией Фроста в кладовой Сибирского торгового банка были вскрыты сундук с ценностями и кассой Омского отделения Волжко-Камского коммерческого банка, два ящика с банковским серебром, мешок с ценностями из Самарского купеческого банка, сундук Оренбургского отделения Волжко-Камского банка. От старшего доверенного Омского отделения Волжко-Камского банка Н. В. Митрофанова была принята наличность кассы на сумму 586 тыс. руб. 68 коп., банковое серебро на 4700 руб., вексельной бумаги и гербовых марок на 2807 руб., 6 слитков золота весом в 22 фунта. Также изъяты пакеты с ценностями Омского, Оренбургского и Пермского отделений, Бугульминского агентства Волжко-Камского банка и Самарского купеческого банка. 27 мая принято 18 мешков с книгами и документами Общества взаимного кредита г. Самары. Иногда изъятые ценности и документы по ордерам передавались другим организациям. Так, при ликвидации Иркутского отделения Московского народного банка в Иркутский госуниверситет были переданы старинные медные монеты, ценности Омского и Пермского отделений возвращены по местам их нахождения, чековые книжки и другие банковские документы, а также вклады и переходящие ценности были подготовлены для отправки в Дальневосточную республику, где банк продолжил свою работу. Все денежные средства бывших частных банков после проверки и изъятия зачислялись на баланс расчетно-кассового отдела. Общий итог его составил огромную сумму в 1, 7 трлн руб. Вскрытия и изъятия ценностей продолжались практи-

чески до конца года. Так, при вскрытии и описании не востребованных вкладов бывшего Иркутского отделения Госбанка в декабре 1920 г. на счете «Вклады на хранение» оказалось 19 ящиков на 80 440 руб. Среди них ящик штабс-капитана А. Б. Мигунова, в котором обнаружилось 39 изделий из серебра и золота. Самый большой по ценности вклад на 48 тыс. рублей принадлежал начальнику иркутского сыскного отделения [5, л. 10–10 об.].

Кроме закрытия счетов и изъятия ценностей национализированных банков, ликвидационная комиссия занималась взиманием с их заемщиков, оставшейся за ними задолженности. До 1 июля 1920 г. платежи поступили от 174 должников, представляющих имущий класс на общую сумму 2 196 271 руб. Если частные лица оплачивали свои обязательства без задержек, то платежи от кооперативных и правительственных учреждений в общей сумме свыше 26,7 млн руб. погашались с большими задержками. Всего же частным лицам и кооперативным организациям было выдано в колчаковский период ссуд под обеспечение товарами на сумму 37,5 млн рублей. Стоимость же самих товаров была значительно выше. Подавляющее большинство из них реквизировано советской властью, и учреждения, принявшие их, должны были возместить сумму до 15 млн руб. Эта сумма и все поступившие в погашение долгов платежи должны были пойти на удовлетворение требований вкладчиков трудового происхождения.

Конфискованные ценности банков и других финансовых учреждений, а также сдаваемые в отделение Народного банка аннулированные сибирские деньги подлежали отправке в Москву. В начале мая из Иркутска в адрес Омского губфинотдела были направлены в двух ящиках ценности бывшего Центрального управления Государственного банка на сумму 8 272 287 руб. 97 коп. В том числе аннулированных денег на сумму 7 948 276 руб. 21 коп., неаннулированных на 324 011 руб. 76 коп. [6, л. 45]. Всего же за первую половину 1920 г. выслано в центр золота в слитках 11 пудов 36 фунтов; серебра – 13 пудов 17 фунтов, а также значительное количество золотых, серебряных и металлических изделий, конфискованных в сейфах частных банков, оставшихся бесхозными залогами Медведниковского банка, а также изъятими сотрудниками губчека у городской буржуазии. Они были упакованы в 85 ящиков. По приблизительному подсчету всех изделий было на 20 пудов золотом, 120 пудов серебром и 25 пудов других металлов. Кроме того, в порядке аннулирования старых денег в центр было отправлено числившихся во вкладах и конфискованных в сейфах процентных бумагах на 73 млн руб., ликвидированных сибирских дензнаков на 736 млн руб. Из Иркутского отделения Народного банка было отправлено в Москву в разное время золота в слитках 1041 пуд 12 фунтов, из которых 919 пудов 24 фунта находились в кладовой отделения к моменту перехода власти к Советам.

Таким образом, финансовая ситуация в Иркутской губернии в период установления советской власти в начале 1920 г. отличалась большой динамикой и нестабильностью. Дефицит денежной массы и постоянный рост инфляции негативно сказывался на экономической ситуации в регионе. В этих условиях вновь созданные органы советской власти пытались выйти из

кризиса путем реформирования всей кредитно-финансовой системы и национализации банков. После ликвидации Народного банка и других финансовых структур все они были сведены в единый расчетно-кассовый аппарат республики. Фактически функции распределения кредитов были переданы губернским органам управления, которые своими постановлениями определяли, кому выдавать средства. Созданная в первые месяцы утверждения советской власти в Сибири система жесткого администрирования всей кредитно-финансовой системы позволила избежать полного развала местной экономики и финансов и наметила перспективы дальнейшего развития советского народного хозяйства.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-260. Оп.1. Д.11.
2. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 119.
3. ГАИО. Ф. Р. 260. Оп. 1. Д. 150.
4. ГАИО, Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 152.
5. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 153.
6. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 160.
7. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 227.
8. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 1072.
9. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Сост. Н. В. Каликаускене. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.

The Establishment of Soviet Power and the Creation of a New Financial and Credit System in Irkutsk in 1920

V. P. Shakherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to changes in the credit system of Irkutsk after the fall of the Kolchak regime. The peculiarity of the moment was the consistent change of leadership in the financial life of the province during the month from Kolchak's Ministry of Finance to the Commissioner for the Department of Finance Polittsentr and finally, the Commissar of Finance of the Soviet government. Provides information about the first attempts of its activities in this area Polittsentr. The main part of the article talks about the dismantle of the structure and foundations of the old system after the establishment of Soviet power in Irkutsk province. Special attention is paid to the elimination of the old financial institutions and the nationalization of private banks in the first half of 1920.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk, soviet power, credit policy, finance, banks, nationalization, cash settlement sub-division.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор
кафедра истории России*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1*

тел.: 8(3952)24-05-22

e-mail: wodalisp@yandex.ru

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Department of History of Russia*

*Historical Faculty
Irkutsk State University*

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)24-05-22

e-mail: wodalisp@yandex.ru